

Читателю знакомы африканские очерки журналиста-международника Евгения Коршунова, которые неоднократно появлялись на страницах нашего журнала. На этот раз мы печатаем главу из его повести, написанной на основе большого документального материала, собранного автором за многие годы пребывания в Африке в качестве корреспондента АПН.

Повесть называется «Операция «Хамелеон». В ней рассказывается о борьбе прогрессивных сил в вымышленной африканской стране Гвиании против прощук английской и американской разведок, против неокolonизма и внутренней реакции.

Повесть Евгения Коршунова выйдет в свет в издательстве «Молодая Гвардия».

ДЕМОНСТРАЦИЯ

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

ЕВГЕНИЙ КОРШУНОВ

И У, ТЕПЕРЬ начнется! — сказал Стив. — Они уже прибыли. Гоке забрал в горсть свою редкую бородку и молча кивнул.

Они шли первыми, во главе нескольких сотен людей под красными флагами. У обоих в руках было по плакату — листы фанеры, прибитые на массивные палки. «Остановить американскую агрессию во Вьетнаме!» — требовал плакат Стива. «Янки, вон из Африки!» — было на плакате Гоке.

Стив обернулся. Демонстранты за его спиной, увидев грузовики с полицией, сгрудились теснее. Колонна стала монолитнее.

«Как кулак перед дракой», — подумал Стив и ощущал у себя в кармане брюк кусок тряпки и плоскую фляжку с водой. Он знал, что в кармане у каждого из идущих за ним — тоже тряпки и бутылки с водой.

Грянула музыка. Лучший джаз Луиса — шесть отчаянных парней, членов Конгресса молодежи, секретарем которого был Стив, заиграл «хайлайф». «Молодцы, — подумал Стив. — Во время...»

Лица демонстрантов, помрачневшие было при виде полиции, посветлели. Нашлись даже остряки.

— Эй, папа, — крикнул один из них толстому сержанту, — шел бы домой, чего жариться на солнце!..

Сержант действительно истекал потом.

— Смотрите, смотрите, он тает! — крикнул другой голос из колонны.

В шеренге полицейских послышались смешки.

— Прекратите! — рявкнул сержант и расстегнул сумку, где лежали гранаты со слезоточивым газом.

Но демонстранты к таким жестам были привычны. Они улыбаясь шли мимо полицейских,

стоявших по обеим сторонам улицы с палками наготове.

А впереди уже виднелось здание посольства США — одноэтажное, расплывшееся, как огромный белый спрут, по тщательно ухоженному саду. На флагштоке во дворе, за невысоким цементным забором развевался полосатый флаг. Узорчатые ворота были заперты. Посольство казалось вымершим.

Но именно здесь, у посольства, по плану, согласованному между двумя левыми молодежными организациями Гвиании — Конгрессом молодежи и Молодежным конгрессом, должен был состояться митинг, на котором собирались выступить руководители этих организаций — Стив Коладе и Гоке Габойе.

...Стив и Гоке были друзьями, вернее — друзьями-соперниками. Они были погодками и родились в одной деревне. Вместе ходили в миссионерскую школу по соседству, вместе учились потом в университете Игадана.

Они вместе создавали в университете Игадана Конгресс молодежи Гвиании. Сначала это было нечто вроде обычного молодежного клуба, которые тысячами возникали и распадались по всей стране.

По вечерам они собирались в университетском общежитии или у кого-нибудь из друзей в городе: пили пиво, танцевали под плохонький проигрыватель. Но однажды кто-то заговорил о социализме. Это было модно. В стране, только что получившей независимость, все бурлило, кипело. Все ждали перемен.

Но шли дни, недели, месяцы. Английский флаг, торжественно спущенный на столичном стадионе, казалось, продолжал незримо развеваться над страной. Отгремели звуки гимна Гвиании, впервые исполненные все на том же стадионе, и жизнь потекла по-прежнему.

И многие вдруг почувствовали себя обманутыми — словно бегуны на длинную дистанцию, которые бежали долго, бежали из последних сил. Только ожидание какого-то блестящего, невиданного триумфа поддерживало их... А когда добежали, оказалось, что на финише нет ни судей, ни призов, ни оркестра и что триумфа не будет, а все пойдет по-старому...

И тогда наиболее горячие стали призывать к действиям — немедленным, пусть даже насильственным, но чтобы они, эти действия, обязательно принесли немедленные перемены. И в Игадане их возглавил Гоке.

Так в университете Игадана появились две молодежные организации с двумя лидерами. Затем эти организации выросли, вышли за пределы университета.

Пару раз они выступали вместе. Так было в дни смерти Лумумбы, когда разъяренная молодежь штурмовала американское, бельгийское и французское посольства. Затем — демонстрация в поддержку бастующих портовоиков.

Вот и теперь Стив и Гоке шли рядом, чем-то похожие друг на друга: оба высокие, крепкие, уверенные в себе и в тех, кто шел за ними. Их можно было принять за братьев — собственно, в деревне все в какой-то степени состояли в родстве. Только у Гоке была жиденькая борода, которой он очень гордился, а у Стива борода росла совсем плохо — так, редкие кустики. Это его втайне расстраивало: непременно принадлежностью «прогрессиста» в Гвиании считалась хорошая борода.

...Демонстранты подошли к посольству. Здесь не было полиции. Машины стояли на соседних улицах. Там же выстроились и «плетеные щиты» полицейских.

Колонна остановилась у ворот посольства, рассыпалась, образовала круг, в центре которого остались Стив и Гоке. Затем в круг выступили четверо крепких парней — их специально выделила ячейка Конгресса молодежи порта — и подняли лидеров на свои плечи.

Стив огляделся. Полицейские вышли из переулков и окружили демонстрантов. Теперь Стив и Гоке были в двойном кольце. Первое — возбужденное, веселое, дерзкое, расцветченное красными флагами и яркими разноцветными плакатами, второе — мрачное, серо-голубое, ошестившееся палками, щитами, стальными шлемами...

Кто-то передал Стиву и Гоке знамена их организаций.

— Если хочешь — начинай... — тихо предложил Стив Гоке пожал плечами. Накануне вечером, наедине, после совместного заседания центральных комитетов обеих организаций, они долго обсуждали «процедурный вопрос», но так и не смогли договориться.

Сейчас Стив вдруг почувствовал, что надо уступить Гоке. Что-то в его душе требовало сделать это — именно сейчас, перед стеной стальных шлемов и полицейских щитов.

Гоке помедлил, потом отрицательно мотнул головой:

— Говори ты... У тебя получается лучше...

Стив с удивлением вскинул голову: это было не похоже на Гоке. Но именно в этот момент наступило прозрение: Стив почувствовал вдруг, как мелок и никчемен был их вчерашний спор, и что это — не главное, а главное — красные флаги, лозунги и серо-голубая стена за ними, холодная и жестокая, как глаза акулы.

Он набрал полную грудь воздуха и крикнул, стараясь, чтобы его голос донесся и до полицейских:

— Товарищи!

Все стихло.

Стив помолчал. Затем произнес чуть потише:

— Товарищи!

И он заговорил. Заговорил, потрясая выкинутым вверх кулаком.

— Нас пока здесь мало, — говорил он. — И мы пришли сюда, чтобы поднять наш голос в поддержку народа далекой страны, в которой никто из нас не бывал. Но, защищая народ Вьетнама, мы защищаем свою страну, Гвианию. Потому что то, что происходит сегодня во Вьетнаме, может начаться в Гвиании завтра.

Он видел, что его внимательно слушают не только демонстранты, но и полицейские. Даже толстяк-сержант...

И Стив, глядя поверх голов демонстрантов, туда, в лица полицейских, говорил, что родина — не свободна, хотя на городском стадионе и был торжественно спущен флаг Великобритании и поднят оранжево-черный флаг Гвиании. Он говорил, что в стране по-прежнему все решают те же колониальные чиновники, ставшие теперь служащими гвианийского правительства...

Когда он замолчал, над головами демонстрантов взметнулись руки с растопыренными пальцами — на манер латинской буквы v, начальной буквы слова «виктори» — «победа». Заколыхались флаги, молодые голоса грянули «Интернационал».

Полиция пока не вмешивалась. Но поверх толпы Стиву было видно, как из ближайшего переулка на полном ходу вылетел военный джип. К двум белым офицерам, сидящим в машине, сейчас же подскочил офицер-гвианец, вытянувшись, отдал честь, принял докладывать...

Офицеры в джипе молча смотрели на красные флаги. Потом один из них что-то приказал солдату-гвианцу, сидевшему впереди с наушниками на голове. Тот кивнул и склонился к аппаратуре.

Тем временем демонстранты опять построились в колонну и подошли к воротам посольства.

Гоке с заранее подготовленной петицией в руках нажал кнопку звонка. Ворота оставались закрытыми. Гоке позвонил еще раз, еще и еще...

Демонстранты стояли уже вплотную к воротам, передние ряды прижимались к решетке, держались руками за чугунные узоры...

— Товарищи!

Гоке обернулся к демонстрантам.

— Они не хотят с нами разговаривать. Они не хотят с нами разговаривать здесь — на нашей земле. Неужели же мы не заставим их выслушать нас — хозяев Гвиании?

— Заставим! — заревело несколько глотков, и к решетке протиснулась дюжина широкоплечих парней.

— Стойте! Что вы делаете? — крикнул Стив.

Вчера, когда обсуждался план митинга, был предусмотрен и такой вариант: никто из посольства не выйдет, чтобы взять петицию. Тогда ее было решено прикрепить на воротах и спокойно уйти — продемонстрировать по городу, скандируя текст.

Правда, Гоке предлагал другое: ворваться в посольство силой и добиться встречи с послом...

Стив знал парней, пробиравшихся к воротам. Они были вроде телохранителей Гоке: борода-тые, одетые в полувоенную форму цвета хаки, перетянутые ремнями.

Стив оглянулся на полицию; там уже слышались слова команды...

— Подождите! — крикнул Стив тем, у ворот.

Но было поздно. Парни Гоке умело вскрыли внутренний замок, толпа навалилась, ворота распахнулись, флаги и лозунги хлынули во двор.

И сейчас же из дверей посольства высыпало десятка полтора дюжих молодчиков в форме морской пехоты — традиционная охрана посольства...

— Да здравствует африканская революция! Бей их! — крикнул Гоке, и его парни кинулись на американцев с невесте откуда взявшимися велосипедными цепями и обрезками труб. Морские пехотинцы встретили их ударами ружейных прикладов, но были смяты, отброшены...

И в этот момент во двор ворвалась полиция. Вернее, сначала полетели гранаты со слезоточивым газом, громыхнули взрывы.

— Воду! — крикнул кто-то, и сейчас же демонстранты, выхватив из кармана заранее припасенные тряпки и бутылки с водой, закрыли лица импровизированными мокрыми масками.

Из здания посольства уже валил дым: горела библиотека... Выли полицейские сирены. И во дворе бушевал бешеный водоворот борьбы.

Демонстранты защищались отчаянно — дрезками флагов и лозунгов, вырывали у полицейских щиты и палки, дупили по стальным каскам кулаками. Отовсюду неслись стоны, крики, брань...

Стив видел, как Гоке, окруженный своими молодчиками, пытался пробиться к воротам. Он размахивал знаменем Молодежного конгресса и подбадривал своих парней. Те дрались действи-

тельно как львы. Но силы были неравными: люди Гоке падали один за другим, сшибаемые прикладами карабинов и дубинками полицейских. Вот закачалось знамя в руках самого Гоке, вот он уже дерется его древком... Упал... Пытается подняться... Его бьют сапогами, топчут, куда-то волокут. Толстяк-сержант с треском срывает знамя с древка и сует его к себе за пазуху — свидетельство своего героизма и залог будущей награды от начальства.

Сам Стив оказался к воротам ближе, чем Гоке. Группа, в центре которой он стоял со знаменем Конгресса молодежи, была многочисленной. Да и полицейские здесь дрались не так ожесточенно.

И Стиву удалось вырваться на улицу вместе с десятком окровавленных демонстрантов. На бегу он сорвал и спрятал под рубашку знамя. Теперь у него в руках было массивное древко.

Сразу же за воротами к нему бросилось несколько полицейских. Но парни, опередившие его, храбро встретили нападающих. Замелькали кулаки. На Стива накнулись сразу трое. Одного он уложил мгновенно — ударом древка по каске. Другого сбил кто-то бежавший рядом. Третий отпрыгнул в сторону. Впереди никого больше не было.

Стив побежал вдоль посольского забора, затем свернул, перепрыгнул через решетку какого-то сквера, пересек его, выскочил в пустынный переулок.

Последнее, что он видел, — две фигуры, метнувшиеся ему навстречу из ближайшей подворотни, искаженное ненавистью лицо, занесенная палка...

Оранжевое пламя вспыхнуло у него в глазах, с грохотом взорвалось, земля накренилась — раз, другой, завертелась, опрокинулась... И еще он успел заметить: голубая машина и два европейца в ней...

**МАКСИМ НДЕБЕКА —
ПОЭТ И ГРАЖДАНИН**

Максим Ндебека — современный африканский поэт и общественный деятель Народной Республики Конго. Родился в Браззавиле в 1944 году. Автор книги стихов «Новые солнца». Член Центрального Комитета Конголезской партии труда, генеральный директор

управления культуры и искусств министерства информации Народной Республики Конго, Максим Ндебека активно работает в области культуры и просвещения народов своей страны.

Стихи поэта впервые публикуются в переводе на русский язык.

БОРЮЩИМСЯ НАРОДАМ

Прислушайся, мой брат, к тревожной песне ветра.

Оружия ты различаешь звон?
И ветер влажен, слез дыханье в нем.
В мечтах о мире мир —

у нас тревоги стон...

Нас обучают и цивилизуют
два педагога — доллар и напалм.
Послушай, брат мой, дымный крик Вьетнама.
Там жница жнет под тенью от штыка.
И узнает дитя врагов наверняка.
Страну свою мужчины защищают.

*Перевела с французского
М. Соколовская*